

ШАХБАНОВА МАДИНА МАГОМЕДКАМИЛОВНА

д.соц.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН
«Институт истории, археологии и этнографии» ДНЦ РАН, e-mail: madina2405@mail.ru

АБДУЛАГАТОВ ЗАИД МАГОМЕДОВИЧ

к.фил.н., заведующий Отделом социологии ФГБУН
«Институт истории, археологии и этнографии» ДНЦ РАН, e-mail: zaid48@mail.ru

ТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА

Аннотация. В статье рассматривается проявление типов социальной идентичности в массовом сознании дагестанских народов. По результатам социологических исследований сделан вывод о доминировании республиканского типа социальной идентичности, при одновременном укреплении пассивных и деструктивных форм этнической идентичности в виде гипо- и гиперидентичности. Превалирование одного из типов социальной идентичности в массовом сознании сопровождается, с одной стороны, усилением соперничества между ними, с другой, отождествлением разных типов. Наше исследование показывает, что для каждого типа социальной идентичности характерна своя ценностно-символическая система их воспроизводства. Индикаторами этнической идентичности выступают «национальный язык», «национальные традиции, обычаи», «религия», «совместная жизнь на определённой территории», «историческая территория моего народа», «историческое прошлое», «общность характера, схожесть поведения», республиканской идентичности — «длительность совместного проживания на одной территории», «общая история всех дагестанских народов», «схожесть традиций, обычаев, национальной культуры», «историческая память всех дагестанских народов» «национальный характер, национальная психология» «религия», российской идентичности — «общее государство», «ответственность за страну», «родная земля, общая территория проживания», «русский язык — как язык межнационального общения», «общее историческое прошлое, историческая память», «единая правовая система». В ходе проведённого исследования установлено, что религия не является важным этноинтегрирующим и этнодифференцирующим показателем, однако её важность в процессах формирования этнической идентичности довольно значительна. Поэтому наряду с индикаторами воспроизводства этнической идентичности религиозная само-идентификация является неизменным элементом построения этнической идентичности и играет важную роль в процессах формирования этногрупповой солидарности.

Ключевые слова: этническая, религиозная, республиканская, государственно-гражданская идентичность, типы социальной идентичности, дагестанские народы.

SHAKHBANOVA MADINA MAGOMEDKAMILOVNA

d.sots.n., leading researcher FGBUN "Institute of History, Archaeology and Ethnography" DSC RAS,
e-mail: madina2405@mail.ru

ABDULAGATOV ZAID MAGOMEDOVICH

PhD on Philology Sciences, Head of the Department of Sociology FGBUN "Institute of History,
Archaeology and Ethnography" DSC RAS, e-mail: zaid48@mail.ru

TYPES OF SOCIAL IDENTITY IN THE MASS CONSCIENCE OF DAGESTAN NATIONS: THE STATE AND DYNAMICS

Abstract. The manuscript discusses the manifestation of types of social identity in the mass conscience of the Dagestan nations. Based on the results of sociological studies, a conclusion has been made about the domination of the republican type of social identity with a simultaneous strengthening of passive and destructive forms of ethnic identity in the form of hypo- and hyper-

identity. The prevalence of one type of social identity in the mass conscience is accompanied by, on the one hand, strengthening the rivalry between them, and, on the other hand, with matching of different types of identity. Our study shows that a separate value-symbolic system of reproduction is characteristic for each type of social identity. Indicators of ethnic identity are "the national language", "national traditions, customs", "religion", "common living on a certain territory", "the historical territory of my nation", "the historical past", "common character, similar behaviour", the republican identity of "long-term common living on the same territory", "common history of all Dagestan nations", "similarity of traditions, customs, national culture", "the historical memory of all nations living in Dagestan", "the national character, national psychology", "the religion", the Russian identity with the "common state", "responsibility for the country", "the native land, common territory of living", "the Russian language as the language of international communication", "common historical past, historical memory", "one legislative system". It has been established in the study performed that religion is not an important ethno-integrating and ethno-differentiating indicator, however, its importance in the processes of forming ethnic identity is quite significant. Therefore, together with the indicators of reproduction of ethnic identity, religious self-identification is a constant element of building an ethnic identity, and plays an important role in the processes of forming ethnic group solidarity.

Keywords: *ethnic, religious, republican, state-civil identity, types of social identity, Dagestan nations.*

В современных обществах механизмы формирования межэтнического согласия во многом опираются на политику идентичности и процессы управления ею, поэтому феномен идентичности граждан привлекает внимание исследователей, поскольку в ней отражается состояние общества, его интегрированность и направление консолидации, а также ценностные ориентации. Идентификационные процессы в российском обществе сопровождались ухудшением межэтнических отношений в национальных республиках, ослаблением этнической идентичности по типу «нормы» и усилением её деструктивных/пассивных форм при углублении глобализационных тенденций и миграционных процессов.

Сложные этнические процессы постсоветского периода обусловили рост интереса специалистов самого различного профиля к исследованию типов социальной идентичности, поэтому идентичность россиян остаётся полем дискуссий общественных сил: «... именно поэтому в последнее время институты государственной власти, так же, как и лидеры политических направлений, озабочены формированием идентичности с ценностями, в которых они заинтересованы» [1, с. 3].

В основном внимание отечественных исследователей акцентировано на изучении факторов усиления деструктивного и пассивного типов этнической идентичности и их влияния на характер и состояние межэтнических контактов, а также этнического самочувствия народов: «Важно показать, что рост этничности, самосознания у национальностей имеет объективные и субъективные причины, что позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофирования этнической идентичности, нацизма, и надо искать их причины» [2, с. 10], ибо «не постигнув логику идентичности и специфику её трансформаций, невозможно понять современный мир — и, в частности, Россию с её поликультурным и многонациональным составом населения» [3, с. 4]. Распад советской системы надэтнической интеграции, не замещённой новой, российской системой, привёл к появлению этнических и религиозных идентичностей, враждебных российскому социально-культурному и политико-правовому полю [4, с. 4].

Таким образом, в данной статье рассматриваются этническая, религиозная, республиканская, государственно-гражданская (российская) идентичности дагестанских народов, компоненты их воспроизводства, соотношение государственно-гражданской и этнической, религиозной и этнической идентичностей, специфика совместимости позитивной этнической и российской идентичностей.

1.1. Типы социальной идентичности дагестанских народов

При исследовании типов социальной идентичности (государственно-гражданский, этнический, республиканский, религиозный) актуализировано выявление их иерархии, установление

существующей между ними корреляции, индикаторов их воспроизводства. Причём важнейшее место в структуре социальной идентичности, как правило, занимает этническая идентичность, которая является своеобразным стержнем, от которой «ответвляются» иные типы самоидентификации. Такой статус этнической идентичности в ряду других типов социальной идентичности обусловлен как сложностью самого феномена, так и выполняемой ею большой ролью в сохранении межнациональной стабильности и согласия в полиэтнических образованиях. От типов проявления этнической идентичности (пассивного, деструктивного) напрямую зависит межнациональный климат, ориентированность на поддержание или игнорирование межэтнической коммуникации, характер и частотность этноконтактов. Выраженность гипо- и гиперидентичных установок в массовом сознании и поведении дагестанских народов дестабилизируют межнациональную ситуацию в республике.

Характеристика выборки социологического исследования.

1. Социологическое исследование по изучению этнической идентичности дагестанских народов проведено в 2013 г. в Бабаюртовском, Дербентском, Казбековском, Кайтагском, Карабудахкентском, Кизилюртовском, Кизлярском, Кумторкалинском, Хасавюртовском районах, г. Махачкала, Кизляр, Кизилюрт, Дербент. N – 1143.

2. Социологическое исследование по изучению религиозной идентичности и религиозного поведения дагестанских народов проведено в 2014 г. в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, г. Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 904.

3. Социологическое исследование по изучению государственно-гражданской идентичности дагестанских народов проведено в 2015 г. в Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, г. Махачкала, Дербент, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт. N – 903.

Опросы проведены методом случайного отбора, охватив при этом все 3 географические зоны республики (равнинная, предгорная, горная), различающиеся между собой по социально-экономическому развитию и полиэтничностью. Выборка построена с учётом пропорционального представительства дагестанских народов в структуре населения республики, образовательного уровня и половозрастной специфики.

В нашем исследовании респондентам был задан вопрос, выявляющий соотношение типов социальной идентичности и их проявление в общественном сознании дагестанских народов (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Представителем только своего народа	Представителем дагестанского народа	Россиянином	Представителем Кавказа	Представителем своей религии
Аварцы	8,0	44,8	25,0	7,3	15,6
Азербайджанцы	5,4	59,5	18,9	5,4	5,4
Даргинцы	3,2	43,7	27,8	12,7	9,5
Кумыки	10,1	38,9	30,6	11,5	6,3
Лакцы	6,9	51,7	17,2	6,9	13,8
Лезгины	4,0	56,0	29,3	6,7	5,3
Ногайцы	15,8	36,8	36,8	5,3	5,3
Русские	8,4	14,7	55,9	10,5	4,2
Чеченцы	16,1	35,5	25,8	12,9	19,4
Другие	16,7	41,7	12,5	4,2	29,2
Всего:	7,9	40,0	31,0	9,4	10,1

Результаты нашего исследования показывают актуализацию республиканской идентичности в установках каждого второго опрошенного среди дагестанских народов, проявляющуюся в форме осознания себя на территории республики, в первую очередь, «представителем дагестанского народа»; по этнической принадлежности республиканскую идентичность демонстрируют больше половины опрошенных азербайджанцев, лакцев и лезгин, каждый второй опрошенный среди аварцев и даргинцев, каждый третий опрошенный среди кумыков, ногайцев и чеченцев. Второе ранговое место занимает государственно-гражданская (российская) идентичность, отмеченная каждым третьим опрошенным, как по всему массиву, так и среди кумыков, лезгин, ногайцев; каждым четвертым опрошенным среди даргинцев, аварцев и чеченцев, каждым пятым опрошенным среди азербайджанцев, каждым шестым опрошенным среди лакцев. По сравнению с другими опрошенными в позициях русских респондентов доминирует российская идентичность. Следует отметить, что русским характерно своеобразное восприятие понятий «представитель своего народа» и «россиянин», даже можно предположить, что они их отождествляют, на что совершенно справедливо указывает Ю.В. Арутюнян: «Некоторые теоретики и наблюдатели воспринимают понятия "россияне" и "русские" как синонимы. Между тем в общественном сознании эти понятия по-разному воспринимаются и ассоциируются в одном случае как этническое, а в другом в образе россиян, как преимущественно гражданское сообщество» [5, с. 43].

На третьей позиции располагается самоидентификация опрошенных со своим вероисповеданием, причём здесь, по сравнению с другими подгруппами, заметно выделяются респонденты чеченцы (каждый пятый опрошенный), аварцы (каждый шестой опрошенный) и лакцы (каждый седьмой опрошенный), а доля остальных опрошенных составляет менее 10%. Четвёртое ранговое место занимает осознание себя «представителем Кавказа», и доля таковых относительно больше среди опрошенных даргинцев, кумыков, русских и чеченцев. Результаты нашего исследования констатируют низкое проявление самоидентификации — «представитель своего народа», т. е. ориентированность на обозначение этнической идентичности, и, по сравнению с другими опрошенными, выделяется каждый шестой опрошенный среди респондентов ногайцев и чеченцев, а также каждый десятый опрошенный среди кумыков.

Таким образом, длительность совместного проживания на относительно небольшой территории обуславливает приоритетность в общественном сознании опрошенных дагестанских народов республиканской (общедагестанской) идентичности. Но при этом в позициях респондентов наблюдается рост государственно-гражданской (российской) идентичности, сопровождающийся низкой оценкой значимости как республиканской, так и общероссийской политической символики (герб, гимн, флаг). Кроме того, религиозная идентичность относительно сильнее выражена в позициях аварцев, даргинцев и чеченцев, которые обозначили её как этнообъединяющий признак со своим и с дагестанскими народами, одновременно подчёркивая её важность в структуре ценностно-символической системы этнической идентичности.

При сопоставлении вопроса «Кем Вы ощущаете себя, в первую очередь, на территории Республики Дагестан?» с типами этнической идентичности независимо от них (пассивный или деструктивный) в массовом сознании превалирует республиканская идентификация — «осознание себя представителем дагестанского народа» (41,3%) и на второй позиции располагается российская идентичность (28,6%). На особенности проявления типов социальной идентичности обратил внимание Э. А. Паин, по мнению которого, «для нерусских народов России, особенно для титульных национальностей, в условиях постсоветской модернизации характерна актуализация этнической идентичности. Рост этнической идентичности нерусских народов сопровождается усилением их региональной идентичности» [6, с. 19].

Вывод о доминировании общедагестанской идентичности над другими типами социальной идентичности подтверждается и результатами ответа на другой вопрос (см. табл. 2).

**Распределение ответов на вопрос «Можно ли утверждать, что представители
Вашего народа по характеру...» (варианты ответов даны по группам
национальностей в % от общего количества опрошенных)**

Варианты ответов // Национальности	Такие же, как представители других дагестанских народов	Мы по характеру немного другие	Мы люди совершенно другого характера
Аварцы	49,7	33,3	12,5
Азербайджанцы	56,8	32,4	8,1
Даргинцы	63,9	22,8	6,3
Кумыки	44,4	39,6	12,8
Лакцы	69,0	20,7	6,9
Лезгины	49,3	38,7	12,0
Ногайцы	68,4	15,8	10,5
Русские	31,5	41,3	24,5
Чеченцы	61,3	32,3	6,5
Другие	45,8	41,7	12,5
Всего:	49,1	34,6	12,8

По всему массиву опрошенных превалирует суждение «Представители моего народа такие же, как представители других дагестанских народов», хотя каждому третьему опрошенному ближе суждение «Мы по характеру немного другие». Вместе с тем придерживающихся позиции «Мы люди совершенно другого характера» немного, хотя отличаются опрошенные, которых мы условно обозначаем «коренные дагестанские народы», — аварцы, лезгины, кумыки и ногайцы. Респонденты-русские, у которых преобладает российская идентичность, считают представителей своего народа «людьми совершенно другого характера», хотя они «длительность совместного проживания на одной территории» и «единую территорию проживания» обозначили в качестве объединяющих с дагестанскими народами факторов.

Таким образом, наше исследование показывает доминирование в структуре социальной идентичности республиканской идентичности при относительно слабой выраженности этнической самоидентификации, и, на взгляд, авторов, неостребованность этнической идентичности в установках дагестанских народов является существенным фактором сохранения межнационального согласия и стабильности в нашей республике.

В рамках изложения специфики проявления типов социальной идентичности у дагестанских народов не менее актуализировано изучение каждого из её типов, а также индикаторов их воспроизводства.

1.2. Этническая идентичность дагестанских народов и индикаторы её воспроизводства

Специфика формирования этнической идентичности прослеживается в ответах на блок вопросов относительно этнического самоопределения, значимости этнической группы, отношения к людям иной национальной принадлежности, обоснования причин межнационального противостояния и межэтнической напряжённости. Вопрос о том, что такое быть представителем своего этноса, является ключевым в исследовании.

Представления дагестанских народов об основных этнообъединяющих признаках своей этнической общности показывают ответы респондентов на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». Эти компоненты, или структурообразующие этнической идентичности, одновременно являются факторами этнической самоидентификации, влияющими на её формирование, содержание и развитие.

Признак «национальный язык» (70,9%) является значимым этноинтегрирующим компонентом и занимает первое ранговое место как по всему массиву, так и в суждениях лакцев (93,1%), аварцев (78,8%), лезгин (72,0%), русских (69,2%), чеченцев (64,5%), второе место у даргинцев (65,8%); в позициях даргинцев (67,7%) и ногайцев (84,2%) доминирует маркер «национальные традиции и обычаи» (62,4% по всему массиву), в то время как опрошенные чеченцы (58,1%), аварцы (58,7%), русские (58,7%), кумыки (62,8%), лезгины (66,7%), лакцы

(75,9%) и ногайцы (63,2%) по важности определили его на второе место. В массовом сознании дагестанских народов признак «религия» (53,6%) выполняет важную этнообъединяющую функцию, поэтому он располагается по значимости на третьем месте, и по этнической принадлежности ответы распределились следующим образом: аварцы и азербайджанцы (по 62,2%), лакцы (62,1%), чеченцы (54,8%), лезгины (52,0%), кумыки (49,7%), ногайцы (47,4%), даргинцы (45,6%) и русские (45,5%). Индикатор «совместная жизнь на данной территории» (51,1%) является одним из значимых показателей для опрошенных азербайджанцев (62,2%), кумыков (58,0%), даргинцев (56,3%), аварцев (51,7%), лакцев (51,7%), лезгин (46,7%), ногайцев (47,4%), чеченцев (45,2%) и русских (35,0%). Более того, данный маркер находится в тесной связи «с исторической территорией моего народа» (27,9%), и выбравших его больше всего среди ногайцев (42,1%), лакцев (37,9%), чеченцев (32,3%), аварцев (29,5%) и лезгин (28,0%).

Отечественные исследователи-этнопсихологи придерживаются мнения, что национальный характер является одним из важных этноинтегрирующих признаков, на что указывают опрошенные аварцы (35,4%), лакцы (34,5%), лезгины (30,7%) и русские (26,6%), подчеркнув значимость «общности характера, схожести поведения» (27,1%). Определённую роль, как маркер воспроизводства этнической идентичности, выполняет «историческое прошлое» (22,3%), поэтому на его важность в идентификационных процессах указывают опрошенные кумыки (18,4%), лезгины (21,3%), аварцы (25,0%), русские (28,7%) и чеченцы (35,5%). Далее в позициях респондентов проявляется низкая оценка маркера «национальная одежда, жилище, быт» (16,7%), и по сравнению с другими опрошенными больше всего указавших на него среди аварцев (19,4%), даргинцев (19,0%), кумыков (18,4%), лезгин (14,7%) и русских (11,9%). Как показывают результаты опроса, статус признака «национальная литература, народное творчество», который составляет основу духовной культуры народа, заметно ниже в структуре маркеров воспроизводства этнической идентичности, и на него указал каждый шестой среди опрошенных чеченцев (16,1%), каждый восьмой среди опрошенных аварцев (12,2%), каждый девятый среди опрошенных лезгин (10,7%) и каждый десятый среди опрошенных кумыков (10,1%), в то время как другие респонденты не считают его важным в процессе воспроизводства этнической идентичности. Из всего массива опрошенных статистически незначимая часть придерживается позиции, что их «ничего не объединяет с представителями своего народа», и таковых 2,8% и 1,3% среди опрошенных русских и лезгин, соответственно.

Далее на вопрос «Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?» доминирует критерий «национальность отца» (31,1%), затем располагаются индикаторы «национальный язык» (24,6%), «самосознание человека (к какому народу он себя относит)» (23,8%), «особенности поведения, мышления» (14,1%) и «национальность матери» (4,5%). Национальная принадлежность одного из родителей, в данном случае отца, является решающей в определении этнической принадлежности индивида для опрошенных аварцев (30,6%), лакцев (34,5%), азербайджанцев (35,1%), кумыков (36,5%), лезгин (37,3%), чеченцев (45,2%) и ногайцев (52,6%). Как идентификационный признак, «национальный язык» на первое место поставили респонденты-даргинцы (32,3%), в то время как в позициях кумыков (21,2%), азербайджанцев (21,6%), аварцев (28,1%), чеченцев (29,0%), лезгин (30,7%) и ногайцев (31,6%) он занимает второе ранговое место. Для опрошенных русских (14,7%) и лакцев (14,7%) «национальный язык» как критерий определения этнической принадлежности человека занимает третье место. Язык является одним из символов единства народа и основным этноидентифицирующим маркером. Исследователи отмечают, что этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессе формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциацией. Чем в меньшей степени люди владеют своим национальным языком, тем более значимой среди этноидентифицирующих признаков они считают общность исторической судьбы и исторической памяти своего народа. В массиве опрошенных выделяются русские и лакцы, поставившие на первое место «самосознание человека (к какому народу он себя относит)», отодвинув иные компоненты — 41,3% и 41,4%, соответственно. В отличие от других опрошенных, в процессе определения этнической принадлежности человека для кумыков (16,0%), лезгин (17,3%) и чеченцев (22,6%), определённое значение имеют «особенности поведения и мышления». Таким обра-

зом, анализ результатов вопроса «Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?» показывает кардинальные изменения в позициях респондентов. Опрошенные, отмечавшие в качестве этноопределителя национальный язык, в ответах на вопрос «Что, по Вашему мнению, в первую очередь, необходимо учитывать при определении национальности человека?» отодвинули его на вторую позицию. Можно предположить, что респонденты, выделяя в качестве этноопределителя национальный язык, подразумевают владение им необязательным, следовательно, этническая самокатегоризация у современных дагестанских народов осуществляется, в первую очередь, не на основании культурно-языковых характеристик.

При снижении интегрирующей роли языка повышается значимость других компонентов этнической идентичности, не связанных столь тесно с языком, к числу которых относятся единство происхождения, историческое прошлое, общность религии, соционормативной культуры, неязыковых форм духовной культуры (музыка, танцы), выполняющих компенсаторную роль. Можно предположить характерность для дагестанских народов ситуации «размывания» их этничности, что подтверждается снижением значимости национального языка для некоторых народов, национальности родителей при существующем осознании принадлежности к своей этнической группе.

1.3. Республиканская идентичность дагестанских народов и индикаторы её воспроизводства

Уже было отмечено, что в настоящее время в иерархии типов социальной идентичности наблюдается усиление общедагестанской (республиканской) идентичности, которое объясняется исторически сложившейся полиэтничностью республики, поэтому в ходе нашего исследования выявлялись маркеры воспроизводства республиканской идентичности дагестанских народов (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какие признаки объединяют Вас с дагестанскими народами?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальностей	Длительность совместного проживания на одной территории	Общая история всех дагестанских народов	Схожесть традиций, обычаев, национальной культуры	Историческая память всех дагестанских народов	Национальный характер, национальная психология	Религия	Ничего не объединяет, мы самостоятельный народ
Аварцы	42,4	49,7	51,7	20,8	28,8	61,8	1,4
Азербайджанцы	56,8	40,5	32,4	10,8	18,9	43,2	0
Даргинцы	35,4	48,1	58,9	23,4	19,6	31,6	2,5
Кумыки	50,7	39,9	52,1	25,7	19,1	42,4	3,5
Лакцы	55,2	55,2	44,8	20,7	17,2	41,4	3,4
Лезгины	37,3	40,0	52,0	24,0	37,3	57,3	0
Ногайцы	47,4	42,1	57,9	21,1	26,3	42,1	10,5
Русские	68,5	28,0	10,5	17,5	14,7	4,2	21,0
Чеченцы	64,5	25,8	51,6	12,9	25,8	58,1	3,2
Другие	54,2	25,0	50,0	20,8	25,0	62,5	4,2
Всего:	48,6	41,1	46,5	21,2	22,7	43,0	5,6

По результатам социологического опроса, выполняющим важнейшую объединяющую функцию является маркер «длительность совместного проживания на одной территории». Не менее существенным является значимость национальных традиций и обычаев, которые обладают элементами сходства и в многонациональной среде легко перенимаются, при сохранении

важности исторической памяти и общего исторического прошлого. Однако в иерархии интегрирующих дагестанские народы признаков особое место занимает религия, и табличные данные показывают характерное ей варьирование: если в опросе 2001 г. она по значимости занимала 4 ранговое место, то в опросе 2005 г. располагается на первом месте, отодвинув собственно «этнические признаки». При этом значимость «религиозной принадлежности» подчёркивается опрошенными кумыками (2001 г.), аварцами (2005 г.) и чеченцами (2005 г.). Такая же тенденция проявляется в опросе 2013 г. в позициях опрошенных аварцев и лезгин, хотя и другие респонденты обозначают «религию» как объединяющий дагестанские народы признак.

Мононациональная среда изначально формирует признаки, определяющие осознание своей принадлежности к определённому народу, в отличие от полиэтнической местности, где многие этнические отличия стёрты. Отождествляя себя с определённым этносом, индивид воспринимает и включает в свой внутренний мир те ценности, идеи, убеждения, образцы, которые выработаны и характерны по преимуществу для этой общности, являются во многом уникальными и специфическими [7, с. 42].

Таким образом, результаты нашего исследования констатируют, что для опрошенных интегрирующими с дагестанскими народами признаками являются «длительность совместного проживания на одной территории» и «схожесть традиций, обычаев, национальной культуры», хотя не теряют своей значимости маркеры «общая история всех дагестанских народов» и «религия». Из общего массива выделяются опрошенные русские, наибольшая доля которых придерживается позиции «ничего не объединяет, мы самостоятельный народ», что объясняется тем, что русские являются государствообразующим этносом и их ориентацией на осознание себя на территории Республики Дагестан, в первую очередь, «россиянином». Среди собственно дагестанских народов выделяются и ногайцы, из которых каждый пятый опрошенный придерживается суждения «ничего не объединяет, мы самостоятельный народ». По мнению известного дагестанского этнографа М.Б. Гимбатовой, наличие такой позиции в общественном сознании опрошенных ногайцев объясняется тем, что они, согласно письменным источникам, осели на территории Дагестана в начале XV в.; кроме того, от дагестанских народов они отличаются своей самобытной этнокультурой [см.: 8].

Обозначение респондентами в качестве объединяющих признаков совместное проживание, сходство этнокультурных компонентов и элементов исторической памяти свидетельствует об активизации роли республиканской идентичности в массовом сознании дагестанцев. Если в перестроечный период этнолидерами дагестанских народов поднимался вопрос о необходимости федерального переустройства республики, то провозглашённые ими лозунги в массовом сознании дагестанских народов не получили поддержки и распространения.

В исследовании ставилась задача показать взаимосвязь типа этнической идентичности с процессом самоидентификации опрошенных, поэтому применялся «метод "вопрос на вопрос"», который позволил бы глубже проанализировать специфику формирования типов социальной идентичности, в данном случае этнической идентичности. Так, каждый восьмой опрошенный, осознающий себя «представителем только своего народа», является носителем этноцентристских установок — «нередко чувствует превосходство своего народа над другими» (12,4%) и «люди другой национальности должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории» (12,3%); далее каждый шестой респондент разделяет мнение, что «взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей» (16,7%).

В позициях носителей пассивной формы этнической идентичности («этноиндифференты»), разделяющих суждение «мы такие же, как представители других дагестанских народов», закономерно проявляется равнодушие «к своей национальной принадлежности» (51,9%), при этом они «не отдают предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную» (50,3%), «часто испытывают стыд за людей своей национальности» (44,8%) и «трудно уживаются с людьми своей национальности» (40,0%).

Однако носители деструктивных форм этнической идентичности (этноцентризм, этнофаворитизм, этнодоминирование), считая, что они «такие же, как представители других дагестанских народов», акцентируют внимание на следующих позициях: «я такой человек, который

нередко чувствует превосходство моего народа над другими» (40,0%), «я такой человек, который считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только моему народу» (40,7%), «настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности» (42,7%), «взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей» (43,3%), «мой народ имеет право решать свои проблемы за счёт других народов» (44,2%), «считает строго необходимым сохранять "чистоту" народа» (46,0%), «предпочитает образ жизни своего народа» (46,8%), «считает необходимым "очищение" культуры моего народа от влияния других культур» (47,9%) и «любые средства хороши для защиты интересов моего народа» (50,8%).

Все вышесказанное предполагает, что этноцентристские установки должны подпитывать позицию «мы люди совершенно другого характера», однако как показывают результаты нашего исследования у «этноцентристов» довольно слабо проявляется «противопоставление» себя другим дагестанским народам как носителям отличного от них национального характера и поведения.

Таким образом, изучение специфики формирования типов этнической идентичности констатирует, что центральной и доминирующей является «нормальная этническая идентичность», в то же время по краям располагаются её пассивная (этноиндифферентность, этнонигилизм, амбивалентность) и деструктивная (этноцентризм, этнодоминирование, этнофаворитизм) формы, оказывающие определённое влияние на позитивную идентичность, в конечном итоге, возможно «расшатывание» её содержания. Кроме того, результаты нашего исследования показывают ярко выраженную этническую индифферентность, которая может привести, с одной стороны, к «размыванию» позитивного образа «мы», с другой, способствовать усилению этнонационализма у разных социальных прослоек внутри каждого народа.

1.4. Религиозная идентичность дагестанских народов в структуре социальной идентичности

Уже было отмечено, что при рассмотрении типов социальной идентичности возникает вопрос об их корреляции. По мнению П.И. Пучкова, «этнические и конфессиональные общности — два разных вида социальных общностей людей. Нередко они функционируют на одном территориальном пространстве и представлены в одной совокупности людей. При этом границы между этими видами общностей иногда причудливо пересекаются между собой» [9, с. 87].

Проблема соотношения национального и религиозного образований имеет длительную историю. В советский и постсоветский периоды при подготовке переписи населения этот вопрос неоднократно поднимался и обсуждался. Если в дореволюционный период определение соотношения этнического и конфессионального относительно спокойно воспринималось, то в 1937 г. такая попытка была жёстко пресечена, потому что в «новом атеистическом обществе», разумеется, невозможно было ставить вопрос о степени религиозности применительно к новому поколению людей, которые строили социалистическое (атеистическое) общество. Однако и в «другой», в современной России со свободой вероисповедания включить пункт о соотношении национального и религиозного компонентов в программу переписи населения, к сожалению, не удалось. Существование такого подхода, не поддающегося научному объяснению, создаёт определённые сложности для исследователей. В связи с этим возникает вопрос: «Зачем нужно выявлять соотношение этнического и конфессионального?». А это имеет несколько аспектов, в частности, «выяснение приоритета этнического или религиозного в сознании человека, определение конфессиональной структуры этносов, определение этнического состава конфессий, возникновение этноконфессиональных групп и т. д.» [10, с. 88]. Вместе с тем нельзя упускать из виду, что тесная связь между этническим и религиозным составляющими значительно выпячивается в ситуации межнационального или религиозного противостояния, потому что очень часто национальные конфликты окрашиваются в межрелигиозные, и наоборот.

В связи с вышесказанным в рамках данного исследования для нас важно установление значимости этнической и религиозной идентичностей в массовом сознании дагестанских народов, выявление существующей между ними взаимосвязи.

Исторически сложившееся переплетение религиозной и этнической принадлежности следует учитывать при анализе отношения дагестанских верующих к национальным проблемам,

поэтому в ходе исследования религиозной идентичности была поставлена задача определить статусы (значимость/незначимость) религиозной и национальной принадлежности и их соотношение в массовом сознании дагестанских народов (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какое из суждений для Вас важнее?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна только моя религиозная принадлежность	Для меня очень важна только моя национальная принадлежность	Для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности	Для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежности
Аварцы	19,4	3,1	62,7	7,1
Азербайджанцы	20,0	10,0	48,3	13,3
Даргинцы	16,9	7,8	63,6	6,5
Кумыки	11,5	6,6	68,9	8,2
Лакцы	14,8	14,8	51,9	18,5
Лезгины	24,1	5,8	52,6	12,4
Русские	9,3	9,3	31,5	38,0
Чеченцы	37,8	5,4	40,5	8,1
Другие	19,2	5,5	54,8	9,6
Всего:	18,8	6,0	55,1	12,6

Полученные результаты опроса показывают характерную опрошенным «двойственную» или «множественную» идентичность, т. е. желание одновременно демонстрировать важность «национальной и религиозной принадлежности». По этнической принадлежности больше половины опрошенных, а также каждый второй опрошенный подчёркивает важность «религиозной и национальной принадлежности», и таковых больше среди аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев и лезгин. Разделяющих это суждение, по сравнению с другими опрошенными, относительно меньше среди русских респондентов, причём каждый третий опрошенный из них с небольшой разницей подчёркивает противоречивые позиции: «для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности» и «для меня вообще не важна моя религиозная и национальная принадлежности». Придерживающихся позиции «для меня очень важна только моя национальная принадлежность» меньше всего среди опрошенных аварцев и чеченцев. Таким образом, наше исследование демонстрирует характерную дагестанским народам этноконфессиональную идентичность. Исторически российским народам, в нашем случае дагестанским, свойственно демонстрировать, вернее, отождествлять два фактора — национальный и конфессиональный: «часто на уровне обыденного сознания, понятие "мусульманин" приобретает не только религиозное, но и этническое содержание» [11, с. 61]. Далее подгруппы мусульман (58,3%) и православных (31,5%) отмечают важность «национальной и религиозной принадлежности», хотя каждый пятый опрошенный среди мусульман подчёркивает важность только «религиозной принадлежности», а таковых среди православных каждый одиннадцатый опрошенный.

С целью глубокого изучения значимости религиозной идентичности в массовом сознании дагестанских народов им был задан «контрольный вопрос» (см. табл. 5).

Конкретизация вопроса показывает изменение в суждениях респондентов: если в вопросе «Какое из суждений для Вас важнее?» опрошенным характерна демонстрация «двойственной идентичности», можно сказать этноконфессиональной идентичности, («для меня очень важна моя религиозная и национальная принадлежности»), то во втором вопросе больше половины опрошенных подчёркивают суждение «для меня очень важна моя религиозная принадлежность», причём наблюдается рост значимости конфессиональной принадлежности даже в тех подгруппах, которые не выделяли маркер «религия» в качестве этноинтегрирующего компонента, не осознавали себя «представителем своей религии» и не испытывали чувство общности «с представителями своей религии».

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня не очень важна моя религиозная принадлежность	Для меня совсем не важна моя религиозная принадлежность
Аварцы	71,9	6,5	1,5
Азербайджанцы	46,7	21,7	1,7
Даргинцы	58,4	11,7	3,9
Кумыки	67,2	14,8	1,6
Лакцы	59,3	25,9	0
Лезгины	51,1	17,5	2,9
Русские	29,6	24,1	22,2
Чеченцы	62,2	5,4	0
Другие	57,5	17,8	2,7
Всего:	58,6	13,7	4,4

Таким образом, полученные результаты социологического опроса показывают характерные для религиозности сложнейшие процессы: с одной стороны, проявление в массовом сознании опрошенных дагестанских народов чувства общности с «представителями всех дагестанских народов» и «осознание себя представителем дагестанского народа», с другой, подчёркивается важность «религиозной и национальной принадлежности» (этноконфессиональная идентичность) с уточнением больше половины опрошенных важности своей религиозной принадлежности.

1.5. Российская идентичность дагестанских народов и индикаторы её воспроизводства

Государственно-гражданская идентичность включает лояльность государству, отождествление человека со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны, стремление служить на её благо и процветание, испытываемые при этом эмоции.

Исследование процесса формирования государственно-гражданской идентичности требует установления консолидирующих российскую идентичность факторов, поэтому в нашем исследовании были затронуты вопросы, позволяющие выявить индикаторы её воспроизводства (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Что Вас объединяет с россиянами?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Чеченцы	Другие	Всего:
Общее государство	51,4	72,2	46,3	56,3	56,6	54,3	61,1	34,8	35,0	48,1	51,6
Ответственность за страну	20,3	5,6	14,8	21,3	10,6	9,5	19,4	21,7	27,5	22,8	17,4
Родная земля, общая территория проживания	37,9	50,0	39,8	33,8	38,1	27,6	41,7	56,5	40,0	36,7	37,3
Политические символы (герб, гимн, флаг)	8,6	5,6	10,2	8,8	6,2	8,6	8,3	13,0	5,0	6,3	8,2

Продолжение таблицы 6

Варианты ответов // Национальности	Аварцы	Азербайджанцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	Русские	Табасаранцы	Чеченцы	Другие	Всего:
Общее историческое прошлое, историческая память	17,2	11,1	20,4	16,3	21,2	14,7	30,6	17,4	17,5	15,2	17,9
Общие государственные праздники	5,5	5,6	3,7	7,5	6,2	7,8	5,6	4,3	7,5	11,4	6,4
Русский язык — как язык межнационального общения	40,0	22,2	37,0	42,5	41,6	37,9	47,2	30,4	32,5	38,0	39,0
Общая российская культура	6,6	11,1	11,1	11,3	4,4	7,8	16,7	17,4	12,5	6,3	8,4
Схожесть национальных традиций, обычаев	4,1	11,1	3,7	2,5	3,5	6,0	13,9	4,3	2,5	5,1	4,7
Единая правовая система	10,7	33,3	13,9	16,3	13,3	12,9	5,6	26,1	15,0	22,8	14,1
Ничего не объединяет	3,1	5,6	2,8	2,5	1,8	4,3	2,8	0	5,0	5,1	3,2

Полученные результаты показывают, что больше половины опрошенных дагестанских народов интегрирующим с россиянами маркером считают «общее государство», каждый третий опрошенный указывает на «русский язык — как язык межнационального общения» и «родную землю, общую территорию проживания», каждый шестой опрошенный подчёркивает необходимость иметь «ответственность за страну» и «общее историческое прошлое, историческая память», каждый седьмой опрошенный «единую правовую систему», в то время как статус признаков «политические символы (герб, гимн, флаг)», «общая российская культура» заметно ослаблены; по сравнению с другими подгруппами среди опрошенных аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, русских, табасаранцев относительно больше доля выбравших суждение «политические символы (герб, гимн, флаг)» в качестве консолидирующего фактора. Позиции «ничего не объединяет» придерживается статистически небольшая доля опрошенных, причём больше всего отметивших данное суждение среди азербайджанцев, чеченцев и лезгин. По этнической принадлежности больше половины опрошенных аварцев, азербайджанцев, кумыков, лакцев, лезгин, русских, каждый второй среди даргинцев, каждый третий среди табасаранцев и чеченцев подчёркивают признак «общее государство». На возможности «русского языка — как языка межнационального общения», способного выполнить консолидирующую с россиянами роль, указывает каждый второй опрошенный среди аварцев, кумыков, лакцев, русских, каждый третий опрошенный среди даргинцев, лезгин, табасаранцев и чеченцев. Больше всего указавших на данный маркер по сравнению с другими опрошенными среди русских, аварцев, кумыков, лакцев и меньше всего среди чеченцев. Важность «единой правовой системы» как объединяющего с россиянами признака обозначена в суждениях каждого третьего опрошенного среди азербайджанцев и каждого четвертого среди табасаранцев. На связывающий их с россиянами маркер «общее историческое прошлое, историческая память» указал каждый третий опрошенный среди русских, каждый пятый среди даргинцев и лакцев, в то время как доля таковых среди других дагестанских народов менее 20%.

Если вышеперечисленные признаки являются важнейшими в общественном сознании дагестанских народов при определении символов и ценностей их характеризующих, то в ходе исследования были выявлены и малозначимые для них символы, в частности, политические, которые оказались слабо выраженными в их массовом сознании.

Литература

1. Арутюнова, Е. М. Формирование государственно-гражданской идентичности молодёжи : на примере московских студентов : автореф. ... канд. соц. н. — М., 2007.

2. Дробизжева, Л. М. Государственная и этническая идентичность : выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России ; отв. ред. В.С. Магун. — М., 2006. С. 10–29.
3. Санина, А. Формирование российской идентичности : гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57–65.
4. Зорькин, В. Д. Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. № 5579. 13 сентября 2011 г.
5. Арутюнян, Ю. В. Об этнических диаспорах в русской среде // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 34–44.
6. См.: Паин, Э. А. Проблемы самоидентификации россиян : со страной, с регионом, с этническим сообществом // Проблемы идентичности : человек и общество на пороге третьего тысячелетия. — М., 2003. С. 5–21.
7. Файзуллин, Ф. С., Зарипов, А. Я. Грани этнической идентификации // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 40–47.
8. См.: Гимбатова, М. Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – нач. XX в.). — Махачкала : ИД «Эпоха», 2007; Гимбатова, М. Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана XIX – начало XX в. — Махачкала : ИД «Эпоха», 2014; Гимбатова, М. Б. Гендерная асимметрия социализации детей в семье у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 25. С. 36–47; Гимбатова, М. Б. Коммуникативные формы поведения ногайцев в обычае взаимопомощи «шавшеке» // Изучение культурного наследия народов России — актуальная задача : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. — Махачкала, 2007. С. 146–150.
9. Пучков, П. И. Соотношение этнического и конфессионального в России // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). — М. : Институт социологии РАН, 2008.
10. Пучков, П. И. Указ. соч. С. 88.
11. Курбанов, М. Р., Курбанов, Г. М. Религия в культуре народов Дагестана. — Махачкала : Изд.-полиграф. центр ДГУ, 1996.

References:

1. Arutyunov, E. M. Formation of public-civil identity of youth : the example of the Moscow students : abstract ...to. soc. n. — M., 2007.
2. Drobizheva, L. M. National and ethnic identity : the choice and mobility // Civil, ethnic and religious identity in modern Russia ; ed. V.S. Magoon. — M., 2006. P. 10–29.
3. Sanin, A. Formation of Russian identity : civil-state approach // Sociological studies. 2012. No. 12. P. 57–65.
4. Zorkin, V. D. How to save the state in the era of diversity ethnosocial // Russian newspaper. No. 5579. September 13, 2011.
5. Arutyunyan, Y. On the ethnic diasporas in the Russian media // Sociological studies. 2013. No. 7. P. 34–44.
6. See: Pain, E. A. Problems of Russian identity : the country, the region, with an ethnic community identity // Problems of man and society on the threshold of the third millennium. — M., 2003. P. 5–21.
7. Fayzullin, F. S., Zaripov, A. Y. Facets of ethnic identification // Sociological studies. 1997. No. 8. P. 40–47.
8. See: Gimbatova, M. B. Culture of behavior and the Nogai etiquette in the family and public life (XIX – The beginning of XX century). — Makhachkala : ID «Epoch», 2007; Gimbatova, M. B. A man and a woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan XIX – early XX century. — Makhachkala : ID «Epoch», 2014; Gimbatova, M. B. Gender asymmetry of socialization of children in the family of Turkic-speaking peoples of Dagestan in XIX – early XX century // Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography. 2011. No. 25. P. 36–47; Gimbatova, M. B. Communicative behaviors Nogai customary mutual aid «shavsheke» // The study of the cultural heritage of the peoples of Russia — an urgent task : proceedings of the scientific-theoretical conference. — Makhachkala, 2007. P. 146–150.
9. Puchkov, P. I. The ratio of ethnic and confessional in Russia // Religion in the consciousness of the people (the religious factor in the identification process). — M. : Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2008.
10. Puchkov, P. I. Ibid. P. 88.
11. Kurbanov, M. R., Kurbanov, G. M. Religion in the culture of the peoples of Dagestan. — Makhachkala : Publishing and printing center of DSU, 1996.